

ВОЛОДЯ И СЛОМ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

*Луиджи Фьюмара,
антропософ, архитектор (Италия/Швейцария/Украина)*

В первый раз, когда я увидел Володю, он стоял за ораторским пультом в Большом зале Гетеанума и рассказывал об антропософской работе в Киеве, в особенности о молодежных конференциях, в организации которых он участвовал. Это происходило на антропософской конференции на Михаила 2000 г. в Гетеануме, куда было приглашено более 1000 участников со всего мира, которые должны были обсуждать будущее антропософского движения. И вероятно, это был первый и единственный раз, когда Володя выступал в Большом зале. В тот раз я еще не познакомился с ним ближе, это произошло уже в сентябре 2001 г. на одной инициативной встрече Молодежной секции Гетеанума, которая странным образом совпала с падением Башен-близнецов 11 сентября. С тех пор мы с Володей отмечали 11 сентября как день нашего знакомства, хотя и встретились на самом деле на несколько дней раньше. Однако нас впечатлил тот факт, что наша первая встреча как-то связана именно с таким решающим для дальнейшей истории событием. И мне кажется неслучайным, что мои первые восприятия Володи переплетается со сломом тысячелетий, поскольку вся жизнь Володи видится мне связанной со положением и задачами человечества конца 20-го столетия, в том числе в смысле указаний на этот счет Рудольфа Штайнера.

Было очевидно, что в Володе жил порыв как можно больше сотворить и построить такого, что могло бы дать импульс к дальнейшему развитию общества в смысле антропософии. Как я вижу, он больше других ощущал проблемы нашего времени и необходимость как можно быстрее создавать новые

условия для жизни людей. Он везде видел потребность действовать, поэтому участвовал во всех возможных социальных, педагогических, терапевтических, художественных и экономических инициативах. Во всем, что он предпринимал, можно было чувствовать большую любовь к людям. Это был его основополагающий мотив к действию. Его любовь была пронизана, по крайней мере на уровне чувств, сознанием апокалиптического характера нашего времени. Потому высказывания Рудольфа Штайнера на этот счет он воспринимал очень серьезно, и они часто были темой наших бесед. В этом отношении он был настроен иначе, чем те антропософы, которые, хотя и делают много хорошего для различных инициатив, все же делают это так, будто жизнь мира еще долгое время будет течь размеренно и спокойно, без глубоких кризисов и катастроф, в которых должна подвергнуться испытанию человеческая способность понимать и различать вещи. Сознание таких предстоящих испытаний придавало Володину участию особую окраску и сильную привязанность к настоящему. То же самое сознание было, возможно, также основой для множества волнений и беспокойств, когда другие люди, участвующие в проекте, были слишком медлительны в понимании и действии.

Сознание, или, по крайней мере, поиск осознания сегодняшней ситуации времени давал Володе ориентацию в оценке приоритетов для деятельности.

Я вспоминаю, как он уже за два года до Майдана сказал, что Украина движется в направлении Сирийского или Египетского сценария, чему я в то время не мог верить по-настоящему, хотя я сам прогнозировал падение Януковича в течение пары лет сразу же после его избрания президентом.

После смерти Володи я пережил некоторое сходство между ним и итальянским революционером и борцом Джузеппе Гарибальди (даже внешне у них было нечто общее, особенно раньше, когда Володя был стройнее), который, по описанию Рудольфа Штайнера,

выразил свою духовную силу высокого посвященного из прошлой жизни в борьбе за свободу народов и за объединение Италии. Так же, как и Гарибальди, Володя двигался в сети судьбоносных отношений с людьми, которые имели подобные импульсы и которые, очевидно, были с ним связаны в прошлых жизнях. Это, конечно же, справедливо для всех людей, что каждый движется в некоем своем кармическом кругу, в случае же Володи, как и Гарибальди, имелся сильный волевой импульс в связи с антропософией, который он разделял со своими близкими друзьями и соратниками. Подобно Гарибальди, он был для своих украинских друзей центральной личностью, авторитетом, на который многие полагались.

Существенной чертой его деятельности была попытка собирать специалистов из разных областей, чтобы побуждать в Киеве исходящее из антропософии практическое развитие во множестве различных сфер. Так он искал на Западе связи с опытными вальдорфскими педагогами, лечебными педагогами, врачами, эвритмистами, биодинамистами, архитекторами, художниками, финансистами и т.д., и большинство из них становились потом его друзьями, с которыми он часто дальше связывался в своей повседневной жизни и других проектах.

Контакт с людьми со всего мира и любовь к путешествиям – это следующий признак связи Володи с коспомолитическим духом времени. Володя был одним из тех людей, которые уже сегодня имеют конкретное чувство, что они в прошлых инкарнациях жили в других народах. Это дает большую открытость к чужим культурам и более сознательное отношение к собственной стране. Он мог полностью погружаться в ментальность других народов и учиться ценить ее даже если

она противоречила его привычкам. Например, мы однажды разговаривали с ним о том, кого бы пригласить в качестве лектора на запланированную конференцию. Володя предложил целый ряд людей и с удовольствием пригласил бы их еще больше, если бы это было возможно. Я же сказал, что нужно смотреть, чтобы лекторы подходили друг другу и чтобы общая картина была гармоничной. Тогда Володя с улыбкой сказал другим присутствующим:

«Видите, в этом-то и разница между украинской кашей и итальянской изысканной кухней, где все составляющие тщательно отбираются и взвешиваются».

Дух времени также сильно выражался в Володе через стремление к формированию социальных отношений. Ему были необычайно важны встречи между людьми, сотрудничество и совместное бытие. Поэтому он часто выступал инициатором встреч, групповых вылазок, общей трапезы, и из этого настроения возникли также молодежные конференции, которые он годами организовывал в Киеве. Естественная славянская склонность к социальному была в нем сознательно связана со спиритуальными задачами нашего времени и получала благодаря этому более глубокое значение, преодолевая оттенок групповой души.

Незадолго до конца своей жизни он собирался после многих лет перерыва снова организовать молодежную конференцию в Киеве. Для этой цели он сформировал вокруг себя группу молодых и не очень молодых людей. Его стремлением в этой конференции было провести «беседу» между молодыми людьми и сорокалетними. Он сам хотел подготовить для нее доклад в связи с «Бесами» Достоевского, тема которого заключалась бы в провале различных идеологий и попыток улучшения мира. В этом замысле выразилось его определенное жизненное разочарование. Он очевидно пережил, как его юношеские идеалы, по крайней мере частью, не нашли своего воплощения. И он хотел предупредить об этом новую молодежь.

И все же в скором времени он стал одним из основных активистов Майдана. Но также и здесь проявлялся спиритуальный импульс Володи. Когда он услышал о том, что восточные немцы перед па-

дением ГДР начали формировать молитвенные круги, он также стал одним из инициаторов такого круга, несомненно в основном антропософами, на Майдане. Он сам, его жена и друзья собирались каждый вечер на площади, чтобы молча молиться. Он был убежден, как он сам говорил, что противостояние благодаря этому через несколько недель должно закончиться, что действительно и произошло. Я тогда удивлялся этому открытому Володиному доверию к духовному миру. В подобных случаях в нем можно было отчетливо увидеть силу инспирации.

Эта инспирация, это чувство истины часто приносило ему страдания из-за непонимания другими его позиции и действий. Это принимало также трагический оттенок, например, незадолго до его смерти, когда он видел, как много антропософов (в основном славянских) совершенно по-другому видели политическое положение Украины и России. Когда потом кто-то даже попытался пожаловаться на него в секретариат Гетеанума как на сомнительного антропософа из-за его участия в войне на Донбассе, он написал исполненный горечи пост в фейсбуке, где обещал таким людям ждать их в том мире с осуждающим лицом. Это было за несколько дней до его Перехода. Это была судьба человека, который нес в себе намного больше, чем мог осуществить, но который благодаря этому наверняка невероятную силу и огромное сознание смог взять с собой в тот мир.

Он жил полностью в духе слома тысячелетий со всеми присущими ему вопросами, конфликтами и сложностями, кажется, без особо глубокого понимания ближними, даже если они ему помогали и участвовали в его инициативах.

Я думаю, я снова встречу Володю, но также я знаю, что после его смерти мне и некоторым другим людям предстоит более одинокий путь на земле.

